

ЗВУКОВЫЯ ОРОЖКА

E-mail: zd@mk.ru

выпуск 752
XXVIII год издания
ноябрь 2004

ЮБИЛЕЙ

ЖИЗНЬ В СТИЛЕ РОК

Первым в проеме гостиничного холла появилось ангелоподобное чудо с голубыми глазами и прелестным личиком. Потом уже вырвалась сама Джоанна. Совсем такая же, как прежде, только без жуткого перманента. Объятия, поцелуи. "Знакомься, это моя дочка — Мадди, или Мадди". Ангелочек протягивает ручку, и ее уводят пить горячий шоколад. "Она, когда слышит "горячий шоколад", забывает даже мать", — поясняет мама.

Для многих она до сих пор остается в памяти эпитетическим загорисим деревцем, невеста каменным образом расцветшим в сухих кулах отечественного рок-леса времен его бунного роста. Так как рок тогда — с середины 80-х до начала 90-х гг. — был главной музыкальной страной, то и Джоанна Стингрей в качестве его активной деятельницы навечно обрела культовый статус в славном пантеоне интерсексуальных рок-лиджей, где и "Аллардин", и "Лоп-Исавилла", и "Страшные Игры", и "Тилвики", и "Алиса", и "Ивино", и другие. Она не сочинила исторических рок-гимнов вроде "Мочалкина близка" или "Мы ждем перенос", но была всегда волею сочинительницы и стала неформальной министром иностранных дел популярного Ленинградского рок-клуба. Ознаком в Америку, глоток свободы. Ундарились во времена коммунизма тайно, в подвале здания самодеятельных (помните такие?) и в кожанке с застежкой, нелегально вывезти на Запад наши рок-звезды и выпустить там двойной альбом "Red Wave" — с "Аллардином", "Ирвингом" и "Алисой" и "Ивино". За это озлобившиеся советские власти полагали не впускать ее обратно в Союз. Когда свобода дознавалась, наконец, и сюда, закупил для нашего ТВ самые первые рок-программы и просматривала народ в своем шоу "Red Wave представляет". Еще вспоминала: "Не надо мусорить!" Устроила самую громкую рок-свадьбу того времени — с гитаристом "Ивино", красавчиком Юрием Баспаряном. Быстро развелась и вышла за Стиву Васильева. Не лгались — не этого, а того, из группы "Центр".

Мадди — его дочь. Сама теперь живет в Лос-Анджелесе. Но Джоанна с ним уже не живет. Нашла американского бойфренда Стива. Но и он уже — в прошлом. Сама растит дочь. Вузлет ее порочным поведением и первый раз за девять лет привела ее и себя в Россию. Говорит, что незамысловатая рана в душе — увиделись друзья: Виктор Цой, Сергей Курехин...
Вчера в "В-3" состоялся ее концерт **"ДАВАТЬ ЛЕТ В РОССИИ"**. Дочка она релаксировала и очень поновелески притупит на те, кого любит. Там трудно сейчас всем найти — новые телефоны, новые адреса — сокрушалась Джоанна. Номер был подписан раньше, чем начался концерт, но уверен, что все прошло как надо. А накануне мы с Джоанной пустились в воспоминания. В редакции, как дражайшая реализация, до сих пор стоит на полке ее расписная матришка Стингрейша. С дочкой Мадди она записала римейк на "очень добрую" песню "Солнечный круг" и поднимает выпускать здесь новый альбом.

■ Каких ветром тебя опять занесло в Россию?
■ Нескомодо причин. Во-первых, я хотела, чтобы моя дочь увидела своих бабушку и дедушку. Они приехали один раз в Лос-Анджелес, но ей тогда было два годика. Они ее очень любят, пишут письма. Я им посылаю фото, видео. Вторая причина — я хотела позвать Мадди Россию, которая была большой частью моей жизни и причиной ее собственного рождения. Дома она видела мои видеосюжеты, кучу вещей из России, много писем и даже рисунков, которые мне присылали отсюда люди. Потом, все-таки — двадцать лет. Для меня это — праздник. Было бы грустно, если бы я на этот праздник не приехала.
■ И как тебе у нас, спустя девять лет?
■ Многие изменились. Москва теперь действительно выглядит немножко, как Лос-Вегас. Столько огней, рекламы, казино. С ума сойти. Правда, настоящий укус — это "пробки". Раньше тоже были "пробки". Но сейчас они такие, что ты просто нигде не можешь ехать. Я не знаю, как у вас здесь люди могут делать свою работу и дела с такими "пробками". Тяжело.
■ Понимаешь, твой знаменитый рок: "Не надо мусорить"? Стало ли здесь чище, на твой взгляд?
■ Нет, увы. Наверш смотришь — Лос-Вегас. А опустить глаза — плохие дороги, кривые тротуары, вым, серый грязь вокруг. Это — плохо.
■ Ты собираешься показать дожде мунию Ленина. Удалось?
■ Да, сегодня утром.
■ Что он сказал?
■ Она не поверила, что он реальный. Сказала, что это — кука...
■ Ты можешь вспомнить самые первые ощущения двадцатилетней давности, когда оказалась здесь впервые?
■ Я тогда проехала в Москве три дня и нигде здесь не знала, по-русски не говорила. Люди вокруг грустные, погода грустная, холодно, одежда у всех серая, темная. И я подумала: ой, какая страна невеселая, я больше сюда не приеду. А потом я поехала в Ленинград. И у меня была задача: найти Гребенщикова. Я его нашла. Он сразу меня повел на какой-то подпольный концерт. Там играл Курехин. И на третий день в Ленинграде, все, что я

Дочь Мадди — оживительный продукт русско-американского рок-обмена.

"О сцена, свободная, как небеса!"

подумала о России в Москве, полностью перевернула в квартире, — совсем другая. И это для меня стало настоящим открытием, настоящей фантастикой!
■ А Гребенщикова ты разыскивала по заданию ЦРУ?
■ Ха-ха, как смешно! Все случилось, конечно, без всякого плана. Мне позвонил мой брат из Лондона и похвастался, что очень дешево съездила на неделю в Россию. И спросил: не хочу ли я тоже? А я сидела в Лос-Анджелесе, писала альбом. У меня была небольшая война с издательской компанией, нервы, тяжелые мысли. А тут — этот звонок. И я подумала: как здорово! Поеду в Россию, не буду думать ни о чем целую неделю, потом вернусь и решу, что дальше делать со своей жизнью. А сестра моего хорошего друга вышла замуж за русского эмигранта, и он был другом Гребенщикова. Когда он узнал, что я еду в Россию, то сказал, что как человек рок-н-ролла я обязательно должна встретиться с Гребенщиком — сам знаешь, как он известен в России подпольным рок-н-роллером. А я знала о России только по учебникам и из газет, что там коммунизм, КПБ и все такое, и думала, конечно, что ничего не выйдет, но решила рискнуть. О встрече в каком-то метро. И вот я стою, тысячи людей там, все в этих русских шапках, и вижу: Гребенщиков! Он не был как рокер — в такой же был русской шапке, серой куртке. Но я увидела его глаза и сразу поняла: это особенный человек. Снова первая моя мысль: он изменит мою жизнь. Такая была в его взгляде энергетика!
■ Не человек, а демон! Или божество?
■ Он покорило мое волю и разум. Уехала тогда в Лос-Анджелес, я только и думала, как снова вернуться в Россию. Летала сюда каждые три месяца. Прилетала домой, быстро работала, зарабатывала деньги, покупала билет — и обратно, в Россию.
■ Одним из твоих взглядов тебя так покорила?
■ В первый приезд я была такая горячая американская рок-вумен, стрижка с помпонами, как у панка. И думала: раз он рокер и я рокер, то сейчас я ему покажу свои записи, и он обидится от того, какая я хороша и интересна. А он мне дал свои записи. Я их начала слушать и поняла, что это он — настоящий рокер. Я даже стала стесняться, что заставляла его слушать свою музыку: я была молодой не только по возрасту, но и как артист. Я писала, как выдала. Одна моя песня была про богатых детей, которые один день на горном курорте, другой — на море, лежат — бездельничают, так и живут. В общем, обичала.
■ По-русски это называется "эмоция" — что вышло, то и говоришь...
■ Да. А Борис — философ. Он рассказывает не о жизни, а об ощущениях, которые рождает жизнь. Это здорово. Борис стал для меня настоящим. У него было "у него научился прежде всего как артист."
■ А когда муж этой сестры твоего друга обиделся о рок-н-ролле в России, ты не смеялась?
■ Смеялась! А потом увидела за три дня в Ленинграде этот рок, выставки, поэтов, все это искусство, этих людей, и когда, вернувшись в Лос-Анджелес, сама начала рассказывать о концерте рок-музыки в России, то уже смеялась мой друг. Они не верили. Потом я привезла фотографии. Они удивились. Да, говорят, классные ребята, модные. А когда музыку послушали, удивились еще больше. "Очень интересной" — сказали. И я тогда загорелась идеей выпустить пластинку "Красная Воля" ("Red Wave"), потому что считала, что это будет интересно всем Америке.
■ Опасное предпринятие по тем временам.

■ Когда ты молодая, то не думаешь о себе, а когда становишься мамой, то к собственному телу начинаешь относиться трепетно, как к искусству", — подумала Джоанна и показала бой-френду Стиву серию собственных фотографий в стиле "Нью" к их первому совместному Рождеству.

подумала о России в Москве, полностью перевернула в квартире, — совсем другая. И это для меня стало настоящим открытием, настоящей фантастикой!
■ А Гребенщикова ты разыскивала по заданию ЦРУ?
■ Ха-ха, как смешно! Все случилось, конечно, без всякого плана. Мне позвонил мой брат из Лондона и похвастался, что очень дешево съездила на неделю в Россию. И спросил: не хочу ли я тоже? А я сидела в Лос-Анджелесе, писала альбом. У меня была небольшая война с издательской компанией, нервы, тяжелые мысли. А тут — этот звонок. И я подумала: как здорово! Поеду в Россию, не буду думать ни о чем целую неделю, потом вернусь и решу, что дальше делать со своей жизнью. А сестра моего хорошего друга вышла замуж за русского эмигранта, и он был другом Гребенщикова. Когда он узнал, что я еду в Россию, то сказал, что как человек рок-н-ролла я обязательно должна встретиться с Гребенщиком — сам знаешь, как он известен в России подпольным рок-н-роллером. А я знала о России только по учебникам и из газет, что там коммунизм, КПБ и все такое, и думала, конечно, что ничего не выйдет, но решила рискнуть. О встрече в каком-то метро. И вот я стою, тысячи людей там, все в этих русских шапках, и вижу: Гребенщиков! Он не был как рокер — в такой же был русской шапке, серой куртке. Но я увидела его глаза и сразу поняла: это особенный человек. Снова первая моя мысль: он изменит мою жизнь. Такая была в его взгляде энергетика!
■ Не человек, а демон! Или божество?
■ Он покорило мое волю и разум. Уехала тогда в Лос-Анджелес, я только и думала, как снова вернуться в Россию. Летала сюда каждые три месяца. Прилетала домой, быстро работала, зарабатывала деньги, покупала билет — и обратно, в Россию.
■ Одним из твоих взглядов тебя так покорила?
■ В первый приезд я была такая горячая американская рок-вумен, стрижка с помпонами, как у панка. И думала: раз он рокер и я рокер, то сейчас я ему покажу свои записи, и он обидится от того, какая я хороша и интересна. А он мне дал свои записи. Я их начала слушать и поняла, что это он — настоящий рокер. Я даже стала стесняться, что заставляла его слушать свою музыку: я была молодой не только по возрасту, но и как артист. Я писала, как выдала. Одна моя песня была про богатых детей, которые один день на горном курорте, другой — на море, лежат — бездельничают, так и живут. В общем, обичала.
■ По-русски это называется "эмоция" — что вышло, то и говоришь...
■ Да. А Борис — философ. Он рассказывает не о жизни, а об ощущениях, которые рождает жизнь. Это здорово. Борис стал для меня настоящим. У него было "у него научился прежде всего как артист."
■ А когда муж этой сестры твоего друга обиделся о рок-н-ролле в России, ты не смеялась?
■ Смеялась! А потом увидела за три дня в Ленинграде этот рок, выставки, поэтов, все это искусство, этих людей, и когда, вернувшись в Лос-Анджелес, сама начала рассказывать о концерте рок-музыки в России, то уже смеялась мой друг. Они не верили. Потом я привезла фотографии. Они удивились. Да, говорят, классные ребята, модные. А когда музыку послушали, удивились еще больше. "Очень интересной" — сказали. И я тогда загорелась идеей выпустить пластинку "Красная Воля" ("Red Wave"), потому что считала, что это будет интересно всем Америке.
■ Опасное предпринятие по тем временам.

подумала о России в Москве, полностью перевернула в квартире, — совсем другая. И это для меня стало настоящим открытием, настоящей фантастикой!
■ А Гребенщикова ты разыскивала по заданию ЦРУ?
■ Ха-ха, как смешно! Все случилось, конечно, без всякого плана. Мне позвонил мой брат из Лондона и похвастался, что очень дешево съездила на неделю в Россию. И спросил: не хочу ли я тоже? А я сидела в Лос-Анджелесе, писала альбом. У меня была небольшая война с издательской компанией, нервы, тяжелые мысли. А тут — этот звонок. И я подумала: как здорово! Поеду в Россию, не буду думать ни о чем целую неделю, потом вернусь и решу, что дальше делать со своей жизнью. А сестра моего хорошего друга вышла замуж за русского эмигранта, и он был другом Гребенщикова. Когда он узнал, что я еду в Россию, то сказал, что как человек рок-н-ролла я обязательно должна встретиться с Гребенщиком — сам знаешь, как он известен в России подпольным рок-н-роллером. А я знала о России только по учебникам и из газет, что там коммунизм, КПБ и все такое, и думала, конечно, что ничего не выйдет, но решила рискнуть. О встрече в каком-то метро. И вот я стою, тысячи людей там, все в этих русских шапках, и вижу: Гребенщиков! Он не был как рокер — в такой же был русской шапке, серой куртке. Но я увидела его глаза и сразу поняла: это особенный человек. Снова первая моя мысль: он изменит мою жизнь. Такая была в его взгляде энергетика!
■ Не человек, а демон! Или божество?
■ Он покорило мое волю и разум. Уехала тогда в Лос-Анджелес, я только и думала, как снова вернуться в Россию. Летала сюда каждые три месяца. Прилетала домой, быстро работала, зарабатывала деньги, покупала билет — и обратно, в Россию.
■ Одним из твоих взглядов тебя так покорила?
■ В первый приезд я была такая горячая американская рок-вумен, стрижка с помпонами, как у панка. И думала: раз он рокер и я рокер, то сейчас я ему покажу свои записи, и он обидится от того, какая я хороша и интересна. А он мне дал свои записи. Я их начала слушать и поняла, что это он — настоящий рокер. Я даже стала стесняться, что заставляла его слушать свою музыку: я была молодой не только по возрасту, но и как артист. Я писала, как выдала. Одна моя песня была про богатых детей, которые один день на горном курорте, другой — на море, лежат — бездельничают, так и живут. В общем, обичала.
■ По-русски это называется "эмоция" — что вышло, то и говоришь...
■ Да. А Борис — философ. Он рассказывает не о жизни, а об ощущениях, которые рождает жизнь. Это здорово. Борис стал для меня настоящим. У него было "у него научился прежде всего как артист."
■ А когда муж этой сестры твоего друга обиделся о рок-н-ролле в России, ты не смеялась?
■ Смеялась! А потом увидела за три дня в Ленинграде этот рок, выставки, поэтов, все это искусство, этих людей, и когда, вернувшись в Лос-Анджелес, сама начала рассказывать о концерте рок-музыки в России, то уже смеялась мой друг. Они не верили. Потом я привезла фотографии. Они удивились. Да, говорят, классные ребята, модные. А когда музыку послушали, удивились еще больше. "Очень интересной" — сказали. И я тогда загорелась идеей выпустить пластинку "Красная Воля" ("Red Wave"), потому что считала, что это будет интересно всем Америке.
■ Опасное предпринятие по тем временам.

"Когда ты молодая, то не думаешь о себе, а когда становишься мамой, то к собственному телу начинаешь относиться трепетно, как к искусству", — подумала Джоанна и показала бой-френду Стиву серию собственных фотографий в стиле "Нью" к их первому совместному Рождеству.

